

Е. А. Климов

К «ТРОННОЙ РЕЧИ» В ЭКСПЕРТНОМ СОВЕТЕ¹

Глубокоуважаемый Николай Иванович², глубокоуважаемые присутствующие!

Думаю, не ошибусь, полагая, что выражу общее мнение присутствующих, если заявлю следующее: участие в работе ВАК — это большая честь для работника науки и образования.

И мы благодарны руководству ВАК, руководству РАН и РАО за то, что они определили настоящий состав экспертного совета.

Наш экспертный совет, хотя и придан Минобру, по своему составу *межведомственный*, и, кроме того, он не является слишком московским — в нем неплохо представлены и регионы России, и достаточно автономные от Минобра организации общероссийского значения.

Деятельность экспертных советов ВАК ведется практически на бескорыстной основе (и это соответствует тому, что все значительное в науке делалось и делается на познавательной, а не на корыстной мотивации), и я *благодарю всех присутствующих* членов экспертного совета за то, что они отложили другие дела и нашли возможность быть на этом заседании (и, надеюсь, будут бывать и впредь).

Далее, сообразно традиции, я выскажу несколько напутственных соображений, заповедей, обращенных именно к новым членам совета («бывалые» могут «поспать» минут пять-семь).

Заседания экспертного совета ВАК имеют некоторую специфику — члены совета не просто присутствуют, заседают, «гонят день к вечеру», но работают, что называется, как пролетарии: вникают в непростые материалы, формулируют ответственные заключения, «дело ведут к завершению». О некоторых штрихах предстоящей работы я скажу чуть ниже, а сейчас отмечу прежде всего следующее.

¹ Материал, подготовленный Е.А. Климовым для выступления перед членами обновленного Экспертного совета по психологии и педагогике ВАК РФ в апреле 1999 г. в качестве вновь назначенного председателя данного совета. Источник — рукопись из личного архива Е.А. Климова. Стилистика оформления — авторская. Публикуется впервые. (*Примеч. ред.*)

² Вероятно, имеется в виду Н.И. Аристер, главный ученый секретарь ВАК РФ, советник Министра образования и науки РФ, член-корр. РАО, докт. эконом. наук, профессор. (*Примеч. ред.*)

Прежний состав совета, включая и его председателя В.П. Зинченко, работал, на мой взгляд, хорошо — *компетентно и доброжелательно* по отношению к соискателям, а также и достаточно строго по отношению к подведомственной области наук. Никто не «махал шашкой», но соблюдалась должная строгость оценок работы соискателей и диссертационных советов. В необходимых случаях в адрес диссертационных советов направлялись корректирующие и направляющие их работу замечания, требования. Были случаи возврата диссертационных дел, отклонения решений диссертационных советов.

Обновление нашего экспертного совета продиктовано единственно требованием и правилом периодической *ротации* его состава.

Кстати, с явлением ротации связано и то, что в нашем теперешнем составе вновь появились люди, уже работавшие в позапрошлом составе, — А.А. Деркач, И.В. Дубровина, В.А. Пономаренко.

В прошлые годы сложилась некоторая профессионально-культурная традиция, и одна из наших задач сохранить и развивать ее.

Надеюсь, опыт работы и общее умонастроение бывалых членов совета будут потихоньку-полегоньку перетекать к новым коллегам. Вместе с тем, надеюсь, и новые члены совета внесут некую свежую струю в работу совета.

Наш экспертный совет (как и ВАК в целом) — не репрессивная организация и не «крантик», который умеет только закрываться, а звено некоторой *системы обеспечения высокого качества* соответствующих научных работ и благопристойного *развития* наших (представленных в совете) наук в стране.

Наша задача — не перекрывать пути каким-то течениям и ни в коем случае не играть против успеха инакомыслящих, против представителей иных научных школ, «команд», а создавать условия для развития хорошей науки в стране (*включая и такие варианты ее развития, которые мы сами не ожидали и которые нам самим, быть может, не по силам*). Иначе говоря, нам важно всегда уметь отстраиваться от возможного теоретического и биографического эгоцентризма (некоторого аналога родительской власти — «делай, как я», «будь, как я, иначе накажу»).

Конечно, отбраковка неполноценных работ — это тоже средство повышения качества науки в стране. Но не единственное и в наших условиях не самое эффективное. Почему?

Парадокс: наиболее серьезная опасность науке грозит в наши дни вовсе не со стороны так называемых «слабых» работ, а со стороны работ, порождаемых чичиковским принципом «все на свете прошибешь копейкой» — работ, выполненных хорошими специалистами за хорошие деньги для людей, *не имеющих отношения к*

науке, не имеющих научной биографии (хотя имеющих, возможно, немалые способности вне сферы научных профессий).

Есть люди, которые стремятся не в область научной деятельности, а просто хотят «за свои деньги» приобрести некий престижный титул, ученую степень, звание (некий аналог дворянского звания в старые времена). Но эти люди сами работ не пишут. Их, насколько мне известно, пишут заметно продвинутые в науке и нанятые специалисты. И качество работ тут как раз будет, повторяю, неплохое. Не вполне чистые работы могут быть даже *очень* хорошо оформлены и с внешней стороны (но, конечно, не все, что хорошо оформлено внешне, будет недостойно высокой оценки по содержанию).

Честно говоря, я лично не очень хорошо знаю, как ловить шпану именно в наших делах. Призываю только к бдительности.

А вот растущим молодым здоровым перспективным силам важно помогать, даже если мы сталкиваемся с некоторой их неумелостью в области *самоподачи*.

Например, возможны случаи, когда работа хорошая и самостоятельная, и многолетняя. Но автор плохо умеет или даже стесняется четко выразить ее новизну. Ведет себя как бы по стереотипам хорошей семьи: «И так, дескать, заметят, что я сделал хорошее дело ...». А старшее научное поколение ему далеко не всегда помогает.

Типичный случай, когда, скажем, соискатель формулирует положения, выносимые на защиту, не в терминах результата, а в терминах процесса («предпринял попытку», «применял», «делал», «изучал» и пр.). Все «применяют», «делают», «изучают» — получается банальность. Кстати, и заключение совета может быть таким же. Тут важно не просто швырнуть работу назад (дескать, «мне непонятно, значит — отклонить работу или вызвать соискателя “на ковер”»), но и искать способы давать полезные советы, разъяснять, учить, если хотите, нужному стилю и тону в науке. Это при условии, что работа в целом по сути удовлетворительна. В общем случае нам надо так или иначе работать с диссертационными советами.

В сущности говоря, найти нечто не очень приятное и обозначить это как недостатки можно в любой работе. Найти недостатки обычно нетрудно. Даже к телеграфному столбу можно придаться: «окопался», «непонятно, с кем связи имеешь», «стаканчиков вокруг тебя много» и пр.

Мне кажется, гораздо важнее и труднее заметить и не затоптать ценные ростки науки, чем «перекрыть крантик» на том лишь основании, что автор допускает мелкие оплошности в тексте. Иначе говоря, возможны разные стратегии: а) отбраковать (это нехитро и нетрудно) и б) не затоптать ростки ценного начинания (это трудно, но в перспективе развития науки наиболее важно). Должен быть разумный баланс этих стратегий.

Итак, функция нашего совета контрольная, но не просто контрольно-запретительная. Я хотел бы призвать новых членов нашего совета рассматривать его функцию как контрольно-обучающую и воспитывающую научную смену. А это, повторяю, заметно труднее, чем просто демонстрировать свои запретительные возможности.

Я уж не говорю о том, что член экспертного совета, мне думается, должен уметь отстроиться от *возможных* переживаний удовольствия в связи с тем, что он может реально кого-то «вызвать на ковер», «нагнать страху», чего-то лишить, к чему-то принудить, продемонстрировать — дескать, «знай наших».

По моим наблюдениям, трудно воспринимаются оригинальные работы, выполненные *на стыке* научных специальностей или по не вполне традиционным направлениям. Каждому специалисту-эксперту часть работы кажется «чужой», «не как у людей», даже, быть может, ненужной или «пустой». Здесь я бы призвал проявлять чуткость к новому, опасаться «выплеснуть с водой ребенка», радея о традиции и привычных стереотипах должного. Мелкие оплошности заметить, повторяю третий раз, нетрудно, а вот заметить ростки научной оригинальности, небанальности — труднее. Я не призываю благожелательно относиться к неграмотным работам. Я призываю к трудному делу — видеть новое и перспективное, а не просто «похожее на наше». Пусть делают не обязательно как мы, но — пусть и *иначе, и лучше нас*. И тут нам важно — не ревновать, а радоваться.

Некоторые технические пояснения:

- Что касается кандидатских диссертаций (в ВАК присылаются даже не сами работы, а только личные дела соискателей с авторефератами), то, если они, по мнению эксперта, удовлетворяют необходимым требованиям, в конце справки диссертационного совета эксперт пишет «Снять с контроля» и подписывается (с указанием даты).

Если есть сомнения, будем совместно принимать решения, в частности путем голосования (с вариантами возможных решений познакомимся по ходу дела; сейчас я об этом говорить не буду).

Что касается докторских диссертаций (они присылаются в ВАК «ин фолио» или «ин корпоре»), то здесь принято и требуется написать краткое (в одну-полторы страницы) и содержательное экспертное заключение, раскрыв новизну и полезность исследования. Сделать это нужно эксперту лучше, вразумительней, чем это сделано автором и диссертационным советом, а главное — изложить научную лепту соискателя языком, понятным *для неспециалистов* (на общенаучном уровне).

Для чего это нужно? Докторские диссертации по ряду причин особенно бдительно отслеживаются президиумом ВАК, и члены президиума (а они в большинстве своем не педагоги и не психологи) должны иметь возможность из краткого письменного экспертного заключения понять суть научного вклада соискателя. Важно, чтобы заключение не сводилось просто к общим оценочным суждениям, не содержало пустых слов, банальностей (это важно и для того, чтобы о нас не подумали худо представители других наук, входящие в состав президиума ВАК).

Замечу еще, что, по моим наблюдениям, на заседаниях президиума ВАК происходит следующее: в его составе есть крупные ученые (не психологи и не педагоги), которые, возможно, не хотят сидеть «просто так», а хотят, что называется, поработать. Это люди обычно достаточно уверенные в себе, я бы сказал, самоуверенные, — они на свой лад могут понимать, например, названия диссертаций по педагогике и психологии, высказывают сомнения и считают возможным делать предложения о дополнительной экспертизе и пр. Поэтому заключения по докторским диссертациям должны быть предельно содержательными и понятными специалистам.

- При этом все заключения по докторским диссертациям так или иначе *докладываются* членами совета (здесь у нас) для всеобщего рассмотрения и последующего открытого голосования.

Таким образом, перед членами совета постоянно возникает задача, как выразался М.В. Ломоносов, «раздвоения внимания» — надо и прислушиваться к докладам коллег, и делать свою непростую экспертную работу (смотреть диссертации, писать заключения).

Работа утомительная, и к концу заседания приходится сдерживать процессы растормаживания речи, соблюдать тишину.

Несколько чисто организационных замечаний

Совет наш традиционно работает по средам с 16 часов с полумесячным ритмом (то есть через среду два раза в месяц). Работа проводится без общих перерывов, обычно до тех пор, пока не будут рассмотрены все текущие дела. Это обычно два с половиной часа и более. Если кому-либо нужно выйти поговорить, покурить, потолковать о политике или по иным надобностям, можно в любое время по собственному разумению тихонько покинуть помещение и возвращаться в него. Излишне напоминать, что ВАК — вне политики; для политических разговоров, если кто их любит, существует курилка. А в самом помещении желательно соблюдать режим, близкий к режиму читального зала, — чтобы доклады членов совета не тонули в шуме разговоров.

Еще одна просьба — хотя бы демонстрировать общее внимание, не покидать помещение, не шуметь во время заслушивания так называемых «вызывных» дел. Соискатель приехал, возможно, издалека, полагая, что его «на Олимпе» науки внимательно выслушают. Для него это — событие жизни, о нем он не раз расскажет своим коллегам. И негоднее дело, если члены экспертного совета даже не делают вид, что для них все это важно.

Желательно также уважительно относиться и к сообщениям членов совета, докладывающих свои заключения (хотя бы не шуметь при этом).

Присматривайтесь к бывалым соседям. Желаю успехов.

Стряпано 16 января 1999 г., а также 7 марта, а также 11 и 29 марта.

Публикация А.Б. Леоновой, О.Г. Носковой

Поступила в редакцию
02.07.15